

**Города-государства Древней Руси: старые истины,
«новые подходы» и некоторые перспективы изучения**

История полнится круглыми датами. Иногда их хорошо помнят, порой забывают. Помню, как в забывчивые 90-е фактически в одиночестве праздновал такую дату, как 350-летие Соборного Уложения 1649 г. Государственная и общественная конъюнктура были тогда такие, что о нашем памятнике права на все времена помнить никто не хотел. Ещё драматичнее бывает ситуация в истории науки. Сейчас конъюнктура другая, но вряд ли кто, кроме автора этих строк, вспомнит юбилей, который представляет значительный интерес для отечественной историографии.

Тридцать лет назад увидела свет книга, посвященная городам-государствам Древней (Киевской) Руси.¹ Писать об обстоятельствах рождения сего труда — написании, обсуждении, издании — я не буду, приберегая этот материал для (надеюсь на это) переиздания книги. Здесь важно отметить, что рождение книги отнюдь не было временем появления концепции городов-государств: до этого была книга И. Я. Фроянова². В 1983 г. защитил диссертацию, посвященную городам-государствам Верхнего Поднепровья и Подвинья автор этих строк. Диссертация была издана через тридцать лет, но, судя по тому, как разошлась книга — тема актуальна и сейчас!³ В 1986 г. авторами будущей книги о городах-государствах Древней Руси был написан соответствующий раздел в коллективной монографии⁴.

Но все-таки значение 1988 года в становлении и развитии концепции не стоит преуменьшать. В этом году состоялась и последняя в советской исторической науке (да, похоже, и в отечественной науке в целом) дискуссия о «генезисе феодализма в Древней Руси», в которую были каким-то образом допущены ученики И. Я. Фроянова: Ю. В. Кривошеев и автор этих строк, который и здесь увязывал феодализм, вернее, его отсутствие, с городами-государствами⁵. Дискуссия получила освещение в зарубежной прессе. Автор статьи не только глубоко вошёл в тему и изложил наши взгляды, но и обратил внимание на то, что те, кто поддерживает И. Я. Фроянова, принадлежат к тому самому факультету, деканом которого он является, что показывает: его взгляды поддерживаются ограниченным кругом специалистов⁶.

Одним из важнейших открытий тех лет было обнаружение историографических предпосылок концепции городов-государств уже в «дореволюционной» российской исторической науке, откуда представления о них попали и в зарубежную (прежде

¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

³ Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М., 2013.

⁴ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство / Под. ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986.

⁵ Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 58–73.

⁶ Kuryuzawa T. The Debate on the Genesis of Russian Feudalism in Recent Soviet Historiography Facing, *Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika*. Sapporo, 1989, p. 143.

всего, эмигрантскую историографию). Наблюдение это в конечном итоге вылилось в целую книгу, где странствия идеи о демократическом устройстве Киевской Руси⁷ прослежены подробно во времени и в пространстве⁸. Таким образом, ситуация с городами-государствами в историографии до 1988 г. вполне ясна. Понятна она и для последних тридцати лет. Наличие книги 2014 г. позволяет мне избежать подробного изложения историографических событий. Подведению итогов посвящена и целая серия статей, опубликованных в «Вестнике Санкт-Петербургского университета»⁹. Вот почему можем дать сугубо общий абрис.

«Демократическая» концепция стала своего рода брендом школы И. Я. Фроянова, которая развернула свою деятельность в эти десятилетия. Она нашла достойное отражение в том концептуальном эпическом полотне древнерусской истории, которое нарисовал сам мастер. Одна из новейших работ: фундаментальные лекции по истории Киевской Руси, которые будят ассоциации с работой А. Е. Преснякова, но явно превосходят её по масштабу и по количеству мобилизованного материала¹⁰.

Исследования осуществлялись в двух направлениях: последователи школы И. Я. Фроянова, с одной стороны, углубленно рассматривали историю Древней Руси (прежде всего, в региональном аспекте), а, с другой стороны — изучали более поздние периоды отечественной истории — точнее, судьбы исторического наследия Киевской Руси¹¹. Достигнуты весьма серьезные результаты. Да и наблюдение исследователя из Японии стало достоянием истории: теперь сторонники такого подхода к Древней Руси служат далеко не только на историческом факультете (за это время превратился в Институт истории) Петербургского университета — они проживают в разных городах нашей необъятной Родины¹².

Важны достижения и в теоретическом плане: было примерно определено место городов-государств в общем ходе российской истории¹³. На мой взгляд, целостная историческая концепция, охватывающая несколько веков нашей истории и построенная на конкретном материале исторических источников, важнее, чем многотомные теоретизирования. Впрочем, по части теории «демократическую концепцию» Древней Руси можно ещё и углубить. Хотя сразу надо оговориться, что недостаточное пока восприятие данной концепции связано в первую очередь не с теорией, к которой мы ещё вернёмся, а продолжающимся, к сожалению, противостоянием цеховых и групповых интересов в науке. Но это тема отдельных рассуждений¹⁴, да и не хочется сейчас о грустном...

⁷ В работах, которые печатались в перестроечный период, «вечевая демократия» вполне справедливо считалась именно *демократией*, хотя и делалась оговорка, что «применение самого термина “демократия” к доклассовому обществу весьма условно» (Ковлер А. И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. М., 1990. С. 93). При этом вполне возможным считалось говорить о «протодемократии» и «потестарной демократии» (Там же. С. 94). К сожалению, в настоящее время такого рода исследования не проводятся.

⁸ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб., 2014.

⁹ См. статьи А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, А. В. Майорова, А. В. Петрова, В. В. Пузанова: Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 5–68.

¹⁰ Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015 — 1044 с.

¹¹ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры... С. 287–301.

¹² Там же.

¹³ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М., 2010.

¹⁴ См., напр.: Дворниченко А. Ю. К вопросу о зеркалах и химерах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 627–637.

Итак, судьба концепции внутри того профессионального сообщества, члены которого относят себя к сторонникам И. Я. Фроянова (в области изучения Киевской Руси) понятна. Они продолжают изучать город-государство, находя и освещая те или иные грани этого феномена. Это, конечно, не значит, что между ними не могут возникать споры¹⁵. Но они понимают, о чем идет речь, и осознают важность изучения этой проблемы. По-иному обстоит дело, когда тема попадает в руки других историков...

Но, прежде чем говорить об этом, вспомним, что же такое город-государство. Кстати говоря, этот кабинетный термин (в Древней Руси называли «волостями», «землями»), видимо, не самый удачный. Например, возможны сильные сомнения в том, что это уже *государство*, о чём мне уже не раз приходилось рассуждать¹⁶. А если это так, то термин как бы повисает в воздухе. Допустимы и другие термины, например, «система соподчиненных городских общин». В недавней диссертации, посвященной истории майя предлагается понятие «городская агломерация»¹⁷. К нему тоже можно придраться, но дело-то ведь не в определениях как таковых, а в том, что понятие отражает определенный процесс. И очень важно, что процесс этот непосредственно связан с политическим и государствогенезом. Так что смею утверждать, что термин прижился, и при всех его недостатках адекватной замены ему пока нет. На русской почве мы постарались дать определение. *Это система соподчиненных городских и сельских общин во главе с главным городом, основанная на архаической непосредственной демократии, проявляющейся в вечековой активности*. Конечно, это определение можно увеличивать, детализировать и т. д. Уже в работах 80-х годов мы сравнивали такой социальный организм с греческим полисом. Естественно, не классическим, до которого наши полисы не доросли, а с архаическим. И уже тогда привлечение работ коллег востоковедов, этнологов и, прежде всего, социальных антропологов показало, что подобного рода социальные организмы — частые акторы в политическом спектакле человеческой истории.

Но и антропологи продолжали свои труды, в чем уже отталкиваясь и от наших наблюдений. Было, в частности, установлено удивительное сходство с архаическими политиями многих горских сообществ, разделенных многими тысячами километров пространства и веками времени, принадлежащими к разным цивилизациям. Сравнение проводилось не с «горсткой наиболее известных эгейских полисов (типа Афин или Милета), а с более «дикими» (и более многочисленными) полисами Аркадии, Фокеи, Локриды, Ахейского союза и т. п.»¹⁸. Обильный материал позволил сделать предположение, что античный вариант социально-политической эволюции не является аномальным, как представляли некоторые востоковеды. Формированию такого рода ойкосов способствуют природные условия, например,

¹⁵ См., например: Гайденок П. И. Охота на химер в зеркалах историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 411–417; Пузанов В. В. Химеры в кривом зеркале историографии // Там же. С. 418–432. Мой ответ: см. 13.

¹⁶ Это скорее *civitas*, т. е. безгосударственная политическая форма полисного типа (Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынина В. А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 45). См. также: Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Там же. С. 235–258.

¹⁷ Савченко И. А. Город и округа у древних майя I тыс. н. э. (восточные области Мезоамерики). Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 2015. С. 29.

¹⁸ Коротаев А. В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток, 1995. С. 81 (Впервые опубликовано в журнале «Восток», 1995. № 3. С. 18–26). См. также: Крадин Н. Н. Политическая антропология. Учебное пособие. М., 2001. С. 135.

горы (болота, леса и проч.)¹⁹. Впрочем, речь должна идти о любых, не обязательно природных условиях, препятствующих на протяжении длительных промежутков времени политической централизации, способствующих сохранению (или завоеванию) общинами (в том числе и городскими) своего суверенитета или высокой степени автономии²⁰.

Интенсивность научных исследований явно в последние годы ослабла, но и то, что делается, подтверждает сделанные открытия. Вспомню ещё раз только что упомянутую диссертацию о майя. Ценность её не только в том, что автор владеет навыками иероглифической письменности майя («классического ч' ольт' и»), но и в том, что она написана под руководством В. И. Гуляева в Отделе теории и методики Института археологии РАН. И вот на новом уровне развития исторического знания мы встречаем ту же ситуацию: внутренняя структура города является отражением социальной организации классических майя: большая семья (жилая группа); сельская община (группа домохозяйств, городской район); суперобщина (город). Города Нового Света окончательно встают в один ряд с целым рядом городов-государств Света Старого, в частности с месопотамским городом, считающимся классическим примером раннегородской организации. Майские города являются, по сути дела, объединением в рамках единого городского организма нескольких сельских общин имеющих единого верховного правителя и общий культовый центр, но сохраняющих при этом прежнюю организационную структуру и известную степень автономии. Способ возникновения такого города — общинный синойкизм, столь свойственный Древней Руси. Ещё одна характерная черта: тесная связь с широкой сельскохозяйственной округой²¹. Можно со всей ответственностью заявить, что города-государства (системы общинного типа) стали общим местом в работах востоковедов, африканистов, археологов, этнологов, антропологов²².

Как же встретили эту концепцию русисты? Некоторые приняли. Не сказать, что глубоко поняли и прониклись, но взяли на вооружение²³. Даже попытались положить в основу своего видения всей российской истории. Так, В. В. Еремян пишет, что представители школы Фроянова убедительно доказали, «что посадская и сельская территориальные общины являлись стержнем всего государственного строя Руси-России», который оформился в домонгольский период и просуществовал вплоть до начала XX в.²⁴ Это, конечно, перегиб, но важно то, что автор силится понять всю глубину нашей концепции. Может быть, лучше других важность концепции о городах-государствах для понимания истории России в целом поняла Л. В. Данилова²⁵. Однако, ряд историков не воспринял эту концепцию и повел с ней борьбу²⁶. Об этой борьбе я уже писал и здесь меня интересует другая сторона проблемы.

¹⁹ Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Географический фактор в социально-политическом развитии Древней Руси // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславской: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. С. 67–68.

²⁰ Кортаев А. В. Горы и демократия... С. 89.

²¹ Савченко И. А. Город и округа у древних майя I тыс. н. э... С. 11, 17, 19.

²² Соответствующая литература получила отражение в наших работах, и повторяться не хочется.

²³ Сахаров А. Н. Соотношение центра и регионов в политическом развитии России // Русь на путях к «Третьему Риму». Тула, 2010. С. 133.

²⁴ Еремян В. В. Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2005. С. 373.

²⁵ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

²⁶ См.: Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры...

В последнее время города-государства стали привлекать усиленное внимание! Но это, в основном, Новгород и Псков и в весьма своеобразном аспекте. Я имею в виду попытки сравнить наши города-государства с западноевропейскими реалиями. Этот подход проник уже и в популярную литературу. Автор новейшего труда на эту тему пишет о том, что у таких русских городов, как Новгород и Псков, «было изначально вечевое правление: додумались же они пригласить к себе на княжение варягов». При этом Новгород и Псков для этого автора, без сомнения, «феодальные республики». Но это «вечевая республика — город-государство, все свободные жители которого считались его полноправными гражданами и соучаствовали в управлении им». Устройство вечевых республик, якобы, вполне напоминало итальянские коммун. Если бы Псков не был присоединен к Московскому княжеству, жившему по закону Орды, если бы псковичам удалось сохранить немецкое правление (? — А. Д.), то, представьте: Псковская судная грамота была бы незаметно заменена на «Саксонское зеркало» и Псков «мог с легкостью вписаться в союз Ганзы, сделавшись второй Венецией, Вероной или Миланом»²⁷.

Конечно, книжка Ю. Андреевой сугубо популярная, вполне сродни тому бреду, которым щедро потчуют сейчас нашего несчастного российского читателя. Но недооценивать такую литературу нельзя: грань между научной и научно-популярной литературой сейчас всё больше стирается. Но всё-таки надеюсь, что по такому опусу она не защитила никакой диссертации. В любом случае научно полемизировать с ней — дело явно неблагодарное. Стоит обратиться к более серьезной литературе, которая отлилась в бронзу монографий и статей в серьезных научных журналах и даже золото диссертационных исследований.

Первой по времени оказывается работа О. В. Севастьяновой. Она скептически высказалась по поводу «особого общинно-вечевого периода русской истории». Зато она оказалась под «скромным обаянием» древнерусских княжеских ветвей. Собственно, свою противоречивую концепцию она и вывела из анализа характера взаимоотношений этих самых княжеских групп. Выяснилось, что Новгород нельзя называть республикой — он являлся неким «вольным городом», вполне напоминавшим средневековые европейские города²⁸. Её вполне устраивает идея некоторых германских историков о том, что Новгород — это локальный вариант городов западноевропейского типа, признающий над собой власть императора или короля, а лучше его рассматривать в контексте развития северогерманских городов²⁹. При этом исследовательница смело и убедительно (правда, не всегда вспоминая о предшественниках) разгромила мифы о «Совете господ» и «трехстах золотых поясах».

Новгородскому вечу посвятил свою докторскую диссертацию П. В. Лукин³⁰. Эту диссертацию можно критиковать, причем, как сам автор выразился по поводу другого историка, «по всем пунктам», но в мою задачу это не входит, да и места не хватит. Как же определяет В. П. Лукин социально-политический строй этого «северно-русского народоправства»? Забавно, что рассуждения, имеющие первостепенное значение для работы, вынесены в приложение к диссертации³¹. Рассуждения эти — своего рода

²⁷ Андреева Ю. И. Псковская земля. Русь или Европа? М., 2018. С. 169, 172-173, 177.

²⁸ Севастьянова О. В. 1) Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII — первой половины XV в. М.; СПб., 2011. С. 369 и др.; 2) Новгородское вече: отход от республиканской теории // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.), 2012. С. 208.

²⁹ Там же. С. 11.

³⁰ Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. Дисс. ... д. и. н. М., 2014.

³¹ Там же. С. 548–564.

квинтэссенция своеобразных рассуждений историка, поэтому на них придётся остановиться подробнее.

Острые критики (и позитивный настрой одновременно) историка направлены на то, чтобы доказать, что Новгород был республикой — он против тех, кто это отрицает, в частности, против концепции вышеназванной О. В. Севастьяновой. Достаётся и ревизионистам типа Т. Л. Вилкул. Что ж, ревизионизм нам всем не по сердцу — мне приходилось критиковать украинский скептицизм в её лице³². В результате тщательного исследования Лукина оказалось, что «...новгородская специфика, республиканский строй, автономия Новгорода по отношению к князьям, даже его фактическая независимость — всё это не выдумки составителей “нарративов”, а вполне реальное положение дел». Однако, в смелом утверждении П. В. Лукина: «Новгород — республика!» столько истины, столько и тривиальности³³. А главное, это утверждение ничего за собой не несёт. Ну, республика... Так мало ли их было и есть. Вот и сейчас у нас Российская Федеративная. Сказать так («Новгород — республика!») — ничего, по сути, не сказать. Тем более, что приведенные здесь «доказательства» этого республиканизма по меньшей мере банальны. Это ж всем известно! Нельзя называть «боярской», потому что правящий класс был шире, чем сословие бояр... Нельзя величать «феодалной», поскольку никто теперь не понимает, что такое «феодализм»... Ну, и что? Культурные люди давно уже не называют ни «боярской», ни тем более «феодалной».

Как будто понимая это, историк развивает свои «наблюдения». С чем сравнить Новгород? Ганзейские купцы (как, впрочем, и современные немецкие историки) сравнивают Новгород со своими городами, а вот Ульрих Рихенталь, хоть и немец, но сравнил Новгород с Венецией. А почему бы и нет? Почему бы не итальянские республики, хоть ни у них, ни в Новгороде не было разработанной концепции политической свободы. И вывод: «Стоит ли поэтому так уж решительно отказываться от интерпретации средневекового Новгорода в контексте “республиканской теории”, или однозначно отрицать коммунальный характер его политических институтов?». Но, может, всё-таки коммуна, хотя изрядно поспорив с Л. Штайндорфом, Лукин признаёт, что тот «совершенно прав в том отношении, что Новгород по своему устройству сильно отличался от западноевропейских городских коммун».

Но «не стоит ли всё-таки рассматривать политические структуры Новгорода как структуры коммунальные, но при этом развившиеся не на базе античной традиции или “немецкого права”³⁴, а на базе собственно древнерусских политико-правовых отношений, породивших в схожих хозяйственно-культурных условиях схожие в определённой степени с западными организационные формы?». Но, если «сильно отличался», то какова «определенность» этой степени? Не запутался ли почтенный автор?

³² Дворниченко А. Ю. «Нарративы, нарративы! До чего ж вы довели...» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. 2011. С. 152–157.

³³ П. В. Лукин с видом первооткрывателя привлекает материалы по Полоцку (Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода... С. 563), дескать, и там могла быть республика, совершенно игнорируя изыскания целого направления отечественной историографии (включая работы автора этих строк), утверждавшего демократический характер устройства Полоцка. С сожалением приходится отметить, что П. В. Лукин тут не одинок. В «исследовательской» (как она названа в оглавлении) статье, сопровождающей новейшее издание полоцких грамот мои диссертации, посвященные русским землям ВКЛ также не упомянуты (Воронин В. А., Полехов С. В. Полоцк и Полоцкая земля эпохи позднего Средневековья в исследованиях 1985 — 2014 гг. // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. II. М., 2015. С. 327–330). Правда, вся «исследовательская» статья занимает четыре страницы, но всё-таки свидетельствует о том, что некоторые московские историки продолжают играть в некий «научный междусобойчик».

³⁴ Наверное, имеются в виду швейцарские кантоны...

Так, что же такое Новгород: республика или коммуна? Если брать славянский мир, то Новгород (на раннем этапе больше всего напоминал Щецин или Волин, но, увы, это сходство быстро сошло на «нет»). Так что же всё-таки он напоминал? В общем, вот такие амбивалентные, бесполезные для науки выводы. Задача Лукина ясна. Собственно, она двуединая: надо написать и защитить докторскую диссертацию, а заодно нанести удар по школе Фроянова. Как решается первая задача, уже отчасти ясно (при благоприятных обстоятельствах можно будет ещё и прояснить)³⁵. Что касается второй, то тут выбран весьма сомнительный путь. Противнику приписывается некая точка зрения, а потом она на протяжении всей диссертации подвергается критике, что и составляет ту самую «красную нить» работы. Это мысль о том, что главная идея фрояновцев — утверждение о том, что Новгород (как и другие города-государства Древней Руси) был античным полисом. При этом автор даже не пытается разобраться в том, что в современной науке подразумевается под «античным полисом», роняя неопределённую фразу: «как он воспринимается ныне в науке»... Да, дело ведь и не в этом — Лукин не смог (или не захотел) понять, что ключевое слово здесь не «полис», а «община». Именно общинный характер древнерусского городского строя несомненен для школы Фроянова, как наследницы лучших традиций отечественной исторической науки. А уж то, что древнерусская община могла быть во многом схожа с архаическим греческим полисом — это фактор уже вторичный. Диссертация, значит, защищена, но какова польза для науки?

Ещё один современный историк действует более решительно, может быть потому, что защитить ему надо было не докторскую, а кандидатскую диссертацию. Здесь такие туманные мудрствования, как у Лукина уже неприемлемы, здесь надо выражаться яснее и чётче, хотя диссертация историка явно несет на себе влияние надуманных «концепций» Лукина. Впрочем, здесь я не буду разбираться в том, что нового привносит эта диссертация в изучение Пскова. Для нашей темы важно другое: в своей диссертации А. А. Вовин поставил задачу «...выявить особенности стадийного развития Пскова как варианта средневековой городской коммуны, сравнив ее с соответствующими западноевропейскими моделями»³⁶. И какими же средствами эта задача решается? Здесь он, несмотря на стремление «освободить научные представления о Пскове от господства новгородских реалий, перенесенных на его почву», обращается к западной литературе, поддерживает тех, кто считал Новгород коммуной, спорит с противниками такого утверждения³⁷. Тут ему помогает и наш М. Н. Тихомиров, который искал хронологическое соответствие между русским городом и западным и... не нашел. Тогда, значит (рассуждает диссертант), надо сравнивать Псков XIV–XV вв. с европейским городом раннекоммунального периода — конца XI — первой половины XIII вв.³⁸ Однако, его попытки сравнить Псков с европейскими коммунами и в диссертации, и в специальной статье³⁹ оказываются просто курьезными. В диссертации они сводятся к тому, что и там, и здесь горожане собирались на площади перед кафедральным собором; что население Пскова и «количественно соответствовало населению среднего европейского раннекоммунального города». И там, и здесь появляются магистраты — ну, а то, что они совершенно не похожи — так они нигде не похожи!

³⁵ См. также: *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры...

³⁶ *Вовин А. А.* Эволюция политических институтов Пскова в XIV–XV вв. Автореф. дисс. ... к. и. н. СПб., 2014. С. 4.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 27.

³⁹ *Вовин А. А.* Сравнительный анализ источников по ранним итальянским коммунам и Пскову XIV — XV вв. // *Петербургский исторический журнал.* 2017. № 1.

Но зато и там, и здесь кодифицировалось обычное право и появилось местное городское самосознание.

В статье — ещё курьёзнее! Оказывается, эпоха ранней коммуны характеризовалась «взрывом количества источников» (хотя в Пскове и не было образованных мирян, способных составлять документы). Правда, если в итальянских коммунах счёт документов идёт на сотни и тысячи, то в Пскове: за XIII век сохранилась одна (sic!) грамота, за следующий век — 7, а за XV — 46. Что скажешь — сопоставимые величины!⁴⁰

Дальше в ход идёт сравнение кодификации обычного права, которое не доказывает ничего⁴¹, и, наконец, на десерт — ещё и сравнение нарративов, благо у Вовина есть и образец — толстое исследование Т. В. Гимона⁴². Вовин извлёк из этого исследования мысль о том, что между хрониками и анналами существует определённое различие, а древнерусские летописи скорее надо сопоставлять с анналами, хотя они имеют и ряд черт, характерных для хроник. Оказывается, это характерно и для «пизанской летописи» (*Annales Pisani*). Впрочем, всё это «сравнение» письменной культуры нужно только для того, чтобы показать, что в итальянских документах появляется понятие *populus pisanis*, а в псковских — мужи псковичи, весь Псков⁴³.

Можно сколько угодно брать не главные, вторичные черты того или иного общества и сравнивать их с чертами других обществ. И это мало что даст, разве что позволит написать не очень полезную для науки диссертацию. Компаративистика, вообще, вещь сложная. Перефразируя известную одесскую поговорку, прежде чем сравнивать, надо договориться, что сравнивать. Вот пример: все попытки сравнить «нашу» революцию с другими, прежде всего, западными революциями успехом не увенчались⁴⁴. Можно ли сравнивать восточнославянский город-государство с западной коммуной?

Надо иметь в виду, что западные историки и исторические политологи ещё далеки от понимания своих собственных городов-государств, хотя историография вопроса чрезвычайно богата, есть и чисто компаративистские работы⁴⁵. Правда, по Руси обычно привлекается только лишь Новгород⁴⁶, о других городах-государствах западные историки не пишут, хотя упомянутая в начале статьи работа и включена в контекст западной историографии⁴⁷. При этом симптоматично, что именно на Новгороде (впрочем, и на Священной Римской империи) «сломалась» стройная на вид концепция классика исторической политологии Чарльза Тилли. Он нарисовал

⁴⁰ Там же. С. 183.

⁴¹ Сравнить западное и восточнославянское право надо очень осторожно, поскольку они могут принадлежать к разным правовым семьям (Дворниченко А. Ю. Русская история с древнейших времён... С. 33 — 34). Вопрос требует дополнительного изучения, но непредвзятое изучение древнерусского права уже показало его глубокие отличия от западных правовых систем (Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, New Jersey, 1980).

⁴² Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.

⁴³ Там же. С. 191.

⁴⁴ Дворниченко А. Ю. Прощание с Революцией. М., 2018. С. 169–185 и др.

⁴⁵ Hansen M. H. (ed.) 1) *A comparative Study of Six City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 27; Copenhagen, 2002); 2) *A comparative Study of Thirty City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 21; Copenhagen, 2000).

⁴⁶ Birnbaum H. Novgorod and Dubrovnik: Two Slavic City Republics and their Civilization, *Održana u jugoslavenskoj Akademije Znanosti I Umjetnosti*, Svezak 62, Zagreb, 1989.

⁴⁷ Главы из неё были опубликованы известным американским русистом Даниэлем Кайзером (Froianov I. Ia. and Dvornichenko A. Iu. *The City-State in Kievan Rus' (Eleventh-Twelfth Centuries), Reinterpreting Russian History. Readings 860–1960-s*, Compiled and ed. by Daniel H. Kaiser & Gary Marker. New York, Oxford, 1994, p. 30–37. Однако целиком работа на Западе не издавалась.

богатую картину соотношения городов-государств и других типов государственности в Европе в рамках взаимодействия капитала и принуждения, ответил, вроде бы, на все вопросы, которые себе в связи с этим задавал. Но потом заметил пару загадок: «...Почему так долго существовала раздробленная Священная Римская империя посреди увеличивавшихся и крепнувших воинственных монархий? Почему она не исчезла в утробе больших и сильных монархий? И ещё, согласно какой логике коммерческий, торговый город Новгород, аристократия которого контролировала громадные земельные владения, уступил княжеской Москве?»⁴⁸. Загадка сия легче разрешилась бы — знай и понимай Ч. Тилли русскую историю. Впрочем, в его схеме сомневаются знатоки западных городов-государств и касательно Западной Европы⁴⁹. Нас, однако, интересует не столько классификация западных городов-государств, их роль в становлении европейской государственности, восприятие которой меняется в историографическом пространстве, сколько ответ на выше обозначенный вопрос. И тут можно ответить так: сравнивать-то можно, но это сравнение покажет всю степень различия между этими социальными организмами. Дело в том, что для сравнения надо брать не «вторичные признаки», а сущностные явления, да ещё и в широком историческом контексте. А вот про этот контекст наши новые отечественные авторы почему-то совершенно забывают.

Древнерусские и западные города-государства возникают в совсем разных средах. Наши — в условиях общества, переживавшего переход от родовых отношений к территориальным связям⁵⁰, когда еще не развито ни землевладение, ни крупные капиталы⁵¹. Города Западной Европы могли возникать по-разному, но первоначальный их статус проистекал из привилегии, которую давал им сюзерен. И без этой привилегии коммуна, фактически, не возникала. Такие коммуны появлялись не только в городах, но и в сельской местности. И именно появление такого рода коммун создавало контекст для становления городов-государств⁵². По точному замечанию С. Эпстейна, «города-государства (в Западной Европе — А. Д.) были просто институциональным вариантом городских привилегий»⁵³. Как в рекламе: почувствуйте разницу!

Города отнюдь не были «нефеодальными островками в феодальном море». С самого начала в этих коммунах переплетались интересы землевладельческой знати и купцов, и устанавливавшаяся связь между городом и его хинтерландом — это связь посредством привилегированной аристократии, которая эксплуатировала там своих зависимых крестьян.⁵⁴ В городах Италии шла ожесточенная борьба между аристократическими кланами, символом которой были башни — каждая башня выражала величие загородных замков её владельца. Между 1088 и 1092 гг. жители, например, Пизы, во главе с епископом, вынуждены были лимитировать высоту башен. К 1200 г. во Флоренции было 150 таких башен⁵⁵. К тому же здесь были совершенно другие

⁴⁸ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 108.

⁴⁹ Scott T. *The City-State in Europe, 1000–1600. Hinterland — Territory — Region*. New York, 2014, p. 228–230. В твёрдом переплёте книга издана в 2012 г.

⁵⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси...

⁵¹ Том Скотт упрекает Чарльза Тилли в том, что он упор в анализе городов-государств делает на экономические факторы, в то время, как главным был политический момент (Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 230). Это явный перебор в критике — учитывать надо и экономические, и политические, и все другие факторы.

⁵² Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 9–10.

⁵³ Epstein S. R. *The Rise and Fall of Italian City-States, A comparative Study of Thirty City-State Cultures...*, p. 277.

⁵⁴ Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 11.

⁵⁵ Ibid., p. 19.

отношения с властью, по сравнению с остальными городами Западной Европы. Западные города вели постоянную борьбу с сеньором, в роли которого часто выступал епископ или граф (count) или какой другой «феодал»⁵⁶. Это была принципиальная борьба, в ходе которой, собственно, коммуна, и возникала. На Руси народ мог и епископа изгнать из города, и «нелюбого» князя, но в результате обстоятельств текущей неблагоприятной жизни: языческое сознание приписывало представителям власти вину в неурожае или каких-либо стихийных бедствиях и т. д. Никогда, заметьте, *никогда* — народ не выступал против власти князя и епископа как таковых! Когда Л. Штайндорф отказывается считать Новгород коммуной, он, конечно, прав, но и он обращает внимание на сугубо «вторичные признаки» (название, формирование совета, особое городское право и некоторые другие)⁵⁷.

Специфика западных городов-государств определялась явлением континуитета, преемственностью с античностью, даже в том случае, если это была «смутная память о римском прошлом»⁵⁸. Но ведь эта память в большинстве случаев отнюдь не была «смутной». Автор этих строк был в своё время впечатлён зданием на территории археологического музея в Милане: христианская церковь, созданная на основе античной башни. Церковь как бы вырастает из древней античной постройки. Только на античном фундаменте и могли возникнуть коммуны. Кстати и судьба у городов государств на западе и востоке Европы была другая: от коммуны они двигались к деспотии, сиречь тирании.⁵⁹ Не случайно московскому князю так понравилась архитектура замка Сфорца в том же Милане, так понравилась, что, подходя к замку, поражаешься внешнему сходству с московским Кремлём. А наши города-государства (там, где им это удалось) постепенно разлагались, так до конца и оставаясь общинами⁶⁰. Лишь в западнорусских землях в процесс естественного распада социальной структуры вмешалось немецкое право, которое, с одной стороны, сделало этот распад особенно болезненным, а с другой, придало на каком-то этапе этим городам некое подобие западному коммунальному устройству⁶¹.

Итак, вот перед нами реальная антиномия: городская община и коммуна. В советской историографии было вполне ясное осознание кардинальных различий между этими социальными организациями. Вполне справедливо считалось, что община могла

⁵⁶ Jones Ph. *The Italian City-State: From Commune to Signoria*. Oxford, 1997.

⁵⁷ Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог... С. 228–241. Некоторые авторы упор делают не на то, что Новгород не был коммуной, а на то, что он лишь слабо напоминал «настоящие» города-государства европейского трансальпийского пояса (Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 9; Halperin Ch. J. Novgorod and the “Novgorodian Land”, *Cahiers du Monde Russe*, No 40, 1999, p. 351), что он был скорее колониальной империей, чем городом-государством. С этим трудно согласиться. Новгород был именно городом-государством, но не западным, а восточнославянским, со всеми вытекающими отсюда характерными для него чертами. «Город-империя» — это разновидность европейского города-государства. «Имперскую преференцию» города получали в определенных условиях, и затрачивая немалые усилия. В процессе такого возвышения менялось и само название: «от коммуны, совместно пользовавшейся домашней лагуной, до Signoria, Serenissima, Dominante — суверенного государства, власть которого чувствовалась, согласно гордому утверждению венецианцев, везде, “где течет вода”» (Кроули Р. Венецианская республика. Расцвет и упадок великой морской империи. 1000 — 1503. М., 2015. С. 143).

⁵⁸ Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 7.

⁵⁹ Jones Ph. *The Italian City-State: From Commune to Signoria...*

⁶⁰ См. Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 297; Алексеев Ю. Г. 1) Псковская Судная грамота и её время. Л., 1980; 2) «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. 1979. Т. 103.

⁶¹ Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья...

быть и на Западе, где предшествовала появлению коммуны⁶². Теперь такое осознание в российской русистике и медиевистике, к сожалению, утрачивается: коммуна и община употребляются как синонимы⁶³. Путаницу в этом вопросе по-своему пытается устранить Л. Штайндорф. С одной стороны, он употребляет эти термины как синонимы, но, с другой стороны, в другом месте пишет следующее: «Исследование исторической терминологии латинских и славянских источников с Адриатического побережья позволяет говорить и о западноевропейской общине. Но независимо от терминологии в древнерусских источниках это слово было введено в русскую историографию в XIX в. для обозначения “организованной общности населения в древнерусских городах со слабым положением князя”, как это принято и в современном русском языке. Поэтому я предпочитаю говорить о коммуне в Центральной и Западной Европе»⁶⁴. Что ж, германский учёный проявляет гораздо большее понимание русской истории, чем некоторые его российские коллеги. Только дело тут не в терминах, а в сущности явлений.

Городская (как, впрочем, и сельская) община — один из важнейших акторов российской истории с древнейших до очень поздних времён. Посадскую общину не разрушили даже реформы Петра I⁶⁵, но, конечно же, поздняя городская община имеет определённые и характерные отличия от ранней. Эта последняя, условно называемая «городом-государством», оказывается разновидностью ранней городской общины. В любом случае, центр тяжести лежит в плоскости понятия *общины*, наличие хоры, зависимой от города территории — явление обычное, но не обязательное. И в этом смысле П. В. Лукин, сделав основным объектом своей критики именно хору, сражается с ветряными мельницами. Констатация такого печального факта не снимает, однако, вопроса о методологической, так сказать, роли древнерусских городов-государств. Мы должны найти им место в общем ходе исторического процесса. Впрочем, об этом у нас уже отчасти шла речь, необходим только больший градус теоретизирования.

К сожалению, нынешние философы, которые избрали себе стезёй философию истории, вряд ли могут нам помочь. Между ними и историками возникло непонимание: «С точки зрения философов историки не делают из своих работ выводов, необходимых для всего человечества. С точки зрения историков выводы, которые делают философы — не имеют отношения к реальной истории»⁶⁶. Философы понимают, что философия истории без одобрения и поддержки историков-профессионалов малоинтересна и хотят находить проблемы, для решения которых необходима философская рефлексия в самой исторической науке⁶⁷. Беда в том, что когда философы обращаются к конкретному историческому процессу, в частности к Древней Руси, то их выводы не имеют уже отношения не только к реальной истории, но и к здравому смыслу⁶⁸. Приходится рассчитывать на свои силы, да на пришедшую с запада

⁶² Дворниченко А. Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник. Л., 1985. Вып. III. С. 117–124.

⁶³ См.: Селунская Н. А. Современные перспективы изучения средневековой общины, или «как это не было» // Историческая наука сегодня. Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. Изд. 2. М., 2012. С. 355 — 367

⁶⁴ Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог... С. 235, 239.

⁶⁵ Дворниченко А. Ю. Российская история... С. 660.

⁶⁶ Блюхер Ф. Н. Философские проблемы исторической науки. М., 2004. С. 3.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 172–187. См. также: Блюхер Ф. Н. Возникновение «Древнерусского государства» и проблемы историографии. // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011. С. 209–225.

социальную антропологию. Это и есть одна из перспектив дальнейшего изучения древнерусских городов-государств. Надо-таки найти им место в мировой истории. Пока возможна такая рабочая концепция (собственно, она уже и высказывалась в работе 1988 г.). Если европейские города-государства — явление уже развитого классового общества, проявление уникальной европейской цивилизации, основанной на античном наследии, то древнерусские города-государства относятся к широко распространенным в мире системам общинного свойства, которые характерны для обществ переходного типа⁶⁹. Стоит ещё раз повторить, что к таким общинным системам относится и ранний полис. Можно было бы даже поставить знак равенства между ранним полисом и вышеназванной системой, но, судя по всему, полис не исчерпывает всю палитру подобных социальных организмов.

А они — эти социальные организмы — должны окончательно занять своё место в процессе политогенеза. В современной антропологии приняты следующие уровни политической организации: общество бэндов, племенные общества, вожества и государства⁷⁰. Полагаю, что место города-государства, как системы общинного типа, находится между вожеством и государством. Собственно, в этом и есть некая новизна моего утверждения. В настоящее время «полисный вариант развития» антропологами, в том числе и славными российскими неозволюционистами⁷¹ рассматривается как своего рода «альтернатива вожества»⁷², «аналог вожества», причём появление и того, и другого считается одним из самых важных макроэволюционных изменений⁷³. Учитывая многолинейность развития человеческого общества, а именно так мы теперь только и можем подходить к истории, можно с уверенностью говорить о том, что в ряде регионов на смену вожествам приходят «полисные структуры», города-государства.

Они ещё явно недотягивают до уровня государства как такового. Сейчас нет возможности погружаться в теоретические дискуссии по поводу возникновения раннего государства, но возьмем одну из самых популярных сейчас схем и посмотрим, насколько у городов-государств наличествуют «государственные качества»⁷⁴. В основе экономики — интенсивное сельское хозяйство и часто развитые рыночные системы. Плотность населения достаточно высока. Широкая сеть торгового обмена, как внутреннего, так и внешнего. Мощная военная организация, предназначенная для того, чтобы контролировать своё население и/или держать в подчинении население зависимых от данного государства областей. Социальная стратификация по классовому или кастовому принципу. Потомственные или избираемые лидеры. Лидеры выполняют обязанности священнослужителей, существует вера в их сверхъестественные силы.

Ясно, что большинство из этих признаков трудно соотнести с древнерусскими городами-государствами. Естественно, в это время уже появились существенные

⁶⁹ В книге 1988 г. мы, естественно, упор делали на переходе от «доклассовой к классовой общественно-экономической формации» (Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси... С. 19. Теперь же речь должна идти о переходе от догосударственного уровня развития к государственному. Впрочем, многие теоретические соображения того времени, по моему убеждению, сохраняют своё научное значение.

⁷⁰ Барнард А. Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей. М., 2009. С. 95–98.

⁷¹ Скальчик П. Концепт раннего государства и антропологическая теория // Ранние формы потестарных систем. СПб., 2013. С. 13.

⁷² Крадин Н. Н. Политическая антропология... С. 133–137.

⁷³ Гринин Л. Е., Кортаев А. В. Эпоха первичного политогенеза // Ранние формы потестарных систем. С. 32.

⁷⁴ Барнард А. Социальная антропология... С. 97–98.

черты цивилизации: письменность, монументальная архитектура, Русь была крещена. Но такие факторы, как письменность и архитектура вполне могут ужиться с вождеством. Более того, согласно теории вождества, необходимо наличие монументальных общественно-культовых зданий, как это и получилось в Британии в ходе христианизации острова⁷⁵. Конечно, христианская церковь — не потестарный институт по определению и своим характеристикам, хотя в нём сохраняется много архаики. Но как точно заметил К. А. Костромин, «различные общественные институты и аспекты развиваются неравномерно. Именно поэтому нельзя сказать, что с принятием христианства потестарность была полностью преодолена»⁷⁶. Христианская церковь продвигала Русь к государственности, но сыграть тут решающую роль не могла. Государственность в Восточной Европе возникла скорее на обломках городов-государств в форме архаических военно-служилых государств⁷⁷. Ряд городов-государств (Новгород, Псков, Вятка, Полоцк, Смоленск) дольше других продолжал прежний ход своего развития. Можно фантазировать по поводу того, что было бы в них, если бы они не оказались в составе молодых восточноевропейских государств или если бы Новгород вошёл в состав Великого княжества Литовского⁷⁸. Но фантазии и остаются фантазиями. А историческая реальность такова, что эти задержавшиеся на авансцене истории социальные организмы, как уже отмечалось, были подвержены процессам распада, который, в случае Великого княжества Литовского, ускорился влиянием немецкого права. Тем не менее, они долго сохраняли свои общинные традиции...

Завершить данную статью хотелось бы обозначением ещё одного перспективного, сравнительно-исторического направления изучения городов-государств. Речь идёт о сравнении восточнославянских городов-государств с подобными явлениями у других славян. В условиях, когда самая близкая нам Украина стремится в НАТО, рассуждать о славянском единстве становится всё более «не модно». Но это самое славянское единство никак не проигнорировать — оно было в истории!⁷⁹

Славянская общность — отнюдь не единственная предпосылка изучения городов-государств у славян. Есть вполне убедительные историографические и исторические предпосылки. Конечно, объективно говоря, и в отечественной историографии до 1917 г. историки спорили по поводу славянского единства и отличиях славянства от романо-германского мира. И. М. Собестианский считал, например, что «ни о каких *коренных* (курсив автора — А.Д.) отличиях древнеславянского характера и юридического быта не может быть и речи»⁸⁰. Под «древнеславянским характером» харьковский историк понимал «кроткий пассивный характер древних славян и господство у них «общины»». Что касается «пассивного характера», то пусть это будет достоянием беллетристики, а вот касательно общины почтенный историк явно ошибался. Традиция изучения южнославянской и западнославянской общин развилась в нашей

⁷⁵ Перцев Д. М. Полития англосаксонской Британии (V — IX вв.) // Ранние формы потестарной организации. СПб., 2016. С. 141.

⁷⁶ Костромин К. А. Потестарность и христианизация Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωμα: εν χρόνω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах, вып. 7: К 60-летию профессора Андрея Юрьевича Дворниченко / Под ред. д. и. н. А. В. Петрова. СПб., 2017. С. 99.

⁷⁷ Дворниченко А. Ю. Российская история...

⁷⁸ Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода... С. 564; Андреева Ю. И. Псковская земля. Русь или Европа?...

⁷⁹ Дворниченко А. Ю. Славянская общность: альтернативы и мифы // Родина. 2007. № 6. С. 87 — 89.

⁸⁰ Собестианский И. М. Учения о национальных особенностях характер и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Издание второе. М., 2011. С. 205. (Репринт работы 1893 г.)

историографии до 1917 г. и была поддержана советскими историками. Отсутствие места не позволяет мне приводить соответствующую литературу вопроса⁸¹, но академик Н. С. Державин в более свободной идеологической обстановке 1945 года, опираясь на всё богатство отечественного и зарубежного славяноведения, писал о сходстве у древних славян таких явлений, как город, *civitas*, волость, жупа⁸². Замечательно, что советские историки, будучи адептами феодализма применительно к Киевской Руси, взхлёб писали о вечевых городах-государствах у славян южных⁸³. Тут города-государства не менее ярко (зачастую более ярко) проступают сквозь пелену истории, чем в Древней Руси.

Но нельзя забывать и славян западных. Западные историки часто включают города западных славян и венгров в «коммунальный пояс». «Коммуна также получила распространение в молодых западнославянских государствах, примером могут служить Краков, Прага и Познань, и в Венгерском государстве», — пишет Л. Штайндорф⁸⁴. Однако, при ближайшем рассмотрении всё оказывается не столь однозначным. Изучение истории западнославянских городов показывает, что они жили своеобразной, отличной от западноевропейской традиции жизнью, построенной на началах общинного самоуправления⁸⁵. Городское общинное самоуправление было известно и полякам. Один из авторов современного учебника по истории южных и западных славян пишет: «Для установления контроля над удельным князем феодалы использовали традицию вечевых собраний — прообраз будущих сеймов. Вече, в котором принимали участие и мелкие рыцари, и иногда и крестьяне, решали обширный круг вопросов... Благодаря вечевым институтам удельные княжества становились похожи на небольшие сословные государства»⁸⁶. Конечно, в этих рассуждениях сокрыта ошибка, которую допускали некоторые историки уже в «дореволюционные времена»: вече — народное собрание — никогда не может перерасти в сословно-представительное учреждение, скажем, в сейм⁸⁷. Но сам по себе институт, обозначаемый в источниках как «вече» (при всей полисемантичности этого термина), может быть своего рода индикатором общинного политического быта славян. К тому же, учитывая неравномерность исторического развития, разные внешние условия и влияния,

⁸¹ Не могу не вспомнить блестящую работу А. Н. Ясинского (*Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.)* Киев, 1895). Для знакомства с историографией рекомендовать обстоятельные работы Л. П. Лаптевой (*Лаптева Л. П. 1) История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; 2) История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012*).

⁸² *Державин Н. С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., б/г. С. 115.*

⁸³ *Греков Б. Д. Полица // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. I. М., 1957. С. 111–263. «Это, конечно, вече. Оно — высший орган народовластия» (Пашуто В. Т., Шталь И. В. Корчула. М., 1976. С. 66). Красноречиво, если учесть, что в древнерусских землях В. Т. Пашуто никакого «народовластия» не наблюдал.*

⁸⁴ *Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной?... С. 233. Впрочем, он и города Киевской Руси вдоль пути «из варяг в греки» и Москву относит к «раннесредневековому пласту зарождения европейского урбанизма».*

⁸⁵ См.: *Галямичев А. Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X–XIII века). Саратов, 1995. См. также рецензию: Дворниченко А. Ю. Рецензия на монографию А. Н. Галямичева... // Клио. Журнал для ученых. № 2 (5). 1998. С. 287–289.*

⁸⁶ *История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и новое время. М., 1998. С. 157.*

⁸⁷ Можно, например, вспомнить полемику между М. В. Довнар-Запольским и М. С. Грушевским. Первый находил истоки сейма в вечевой традиции, а второй резонно указывал, что сеймы не являлись прямым продолжением вечевой традиции, но заменили вече, когда произошел упадок политической деятельности общины и единовременный рост влияния местного боярства (*Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. IV. Нью-Йорк, 1995. С. 16*).

нужно иметь в виду, что процесс формирования «систем общинного типа» не везде и не всегда должен достигать каких-то сверх чётких форм. И в этом смысле не меньшее наше внимание должны привлечь общинные порядки балтийских славян⁸⁸. Впрочем, тут даже и П. В. Лукин, как мы видели, согласен...

Л. П. Лашук ещё во второй половине 70-х годов прошлого века, опираясь на богатую историческую и этнографическую традицию, писал о «койнониях»⁸⁹ южных и западных славян, о возможности параллелей между восточнославянскими «землями» («градскими мирами») и югославянскими «общинами»⁹⁰. Дело, собственно, не в количестве научных «прорывов» к светлой цели, обозначаемых историографическими вехами-статьями (их, кстати, можно и умножать), а в том, что назрела необходимость системного и полновесного труда, посвященного данной тематике. В своё время М. Б. Свердлов написал спорную книгу, посвящённую генезису феодализма у славян. Он рассмотрел материал по таким странам, как Болгария, Сербия, Хорватия, Польша, Великоморавское государство, Русь⁹¹. На мой взгляд, уже назрела необходимость написания другой книги, с более широким географическим охватом, которую, конечно, не назовешь «История не-феодализма в славянских странах», но можно было бы назвать, подражая, например, А. Н. Ясинскому: «Расцвет и падение земского строя у славян»⁹². Кто её напишет? Найдётся ли такой историк, любящий истину, смелый, усидчивый и широко эрудированный человек?!

Источники и литература

1. Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и её время. Л.: Наука, 1980. 242 с.
2. Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 242–274.
3. Андреева Ю. И. Псковская земля. Русь или Европа? М.: Родина, 2018. 400 с.
4. Барнард А. Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей. М.: ИЭА РАН, 2009.
5. Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. Монография / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши, М.: Логос, 2000. С. 235–258.
6. Блюхер Ф. Н. Философские проблемы исторической науки. М.: ИФРАН, 2004. 197 с.
7. Блюхер Ф. Н. Возникновение «Древнерусского государства» и проблемы историографии // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М. А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 209–225.
8. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 5–68.
9. Вовин А. А. Эволюция политических институтов Пскова в XIV–XV вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. СПб., 2014. 30 с.

⁸⁸ Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. В тех частях с приложениями. М., 2013. С. 157–160 и др. (первое издание — 1874).

⁸⁹ Термин «койнония» взят у Аристотеля и означает социальный организм во многом близкий полису.

⁹⁰ Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. М., 1977. С. 76–83, 85.

⁹¹ Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

⁹² Это достаточно сложное понятие применялось «дореволюционными» учёными для обозначения общественного строя, в котором господствуют общинные отношения и «горизонтальные связи».

10. Вовин А. А. Сравнительный анализ источников по ранним итальянским коммунам и Пскову XIV–XV вв. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 180–195.
11. Воронин В. А., Полехов С. В. Полоцк и Полоцкая земля эпохи позднего Средневековья в исследованиях 1985–2014 гг. // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. II. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2015. С. 327–330.
12. Гайденоко П. И. Охота на химер в зеркалах историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 411–417.
13. Галямичев А. Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X–XIII века). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1995. 166 с.
14. Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. В трех частях с приложениями. М.: «Русская панорама»; СПб.: РБИЦ «Блиц», 2013. 704 с.
15. Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. 696 с.
16. Греков Б. Д. Полица // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 451 с.
17. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Эпоха первичного политогенеза // Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 31–64.
18. Грушевский М. С. История Украины-Руси. Т. IV. Нью-Йорк, 1995. 535 с.
19. Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.
20. Дворниченко А. Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник. Л., 1985. Вып. III. С. 117–124.
21. Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 58–73.
22. Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Географический фактор в социально-политическом развитии Древней Руси // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславской: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. С. 67–68.
23. Дворниченко А. Ю. Рецензия на монографию А. Н. Галямичева... // Клио. Журнал для ученых. № 2 (5). 1998. С. 287–289.
24. Дворниченко А. Ю. Славянская общность: альтернативы и мифы // Родина. 2007. № 6. С. 87–89.
25. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. 944 с.
26. Дворниченко А. Ю. «Нарративы, нарративы! До чего ж вы довели...» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. 2011. С. 152–157.
27. Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. 232 с.
28. Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2014. 560 с.
29. Дворниченко А. Ю. К вопросу о зеркалах и химерах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 627–637.
30. Державин Н. С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М.: Изд-во Академии Наук, 1945. 215 с.
31. Еремян В. В. Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академический проект, 2005. 960 с.
32. История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и новое время. М.: Изд-во МГУ, 1998. 226 с.

33. *Коротаев А. В.* Горы и демократия: к постановке проблемы // *Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 77–93.*
34. *Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынши В. А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши, М.: Логос, 2000. 368 с.*
35. *Костромин К. А.* Потестарность и христианизация Руси // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόροσκα: εν χρόνω, εν πρόσωπῳ, εν εἰδει. Альманах, вып. 7: К 60-летию профессора Андрея Юрьевича Дворниченко / Под ред. д. и. н. А. В. Петрова. СПб., 2017. С. 93–101.*
36. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. Учебное пособие. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. 272 с.
37. *Кроули Роджер.* Венецианская республика. Расцвет и упадок великой морской империи. 1000–1503. М.: ЗАО Издательство Центр-полиграф, 2015. 448 с.
38. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с.
39. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.
40. *Лашук Л. П.* Введение в историческую социологию. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 148 с.
41. *Лукин П. В.* Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. Дисс. ... д. и. н. М., 2014. 635 с.
42. *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. М.: Наука, 1976. 206 с.
43. *Перцев Д. М.* Политии англосаксонской Британии (V–IX вв.) // *Ранние формы потестарной организации. СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО», 2016. С. 68–77.*
44. *Петров А. В.* От язычества к святой Руси. Новгородские убоицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 352 с.
45. *Пузанов В. В.* Химеры в кривом зеркале историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 418–432.*
46. *Савченко И. А.* Город и округа у древних майя I тыс. н. э. (восточные области Мезоамерики). Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 2015. 33 с.
47. *Сахаров А. Н.* Соотношение центра и регионов в политическом развитии России // *Русь на путях к «Третьему Риму».* Тула: Гиф и К, 2010. С. 93–103.
48. *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 321 с.
49. *Севастьянова О. В.* Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII–первой половины XV в. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 408 с.
50. *Севастьянова О. В.* Новгородское вече: отход от республиканской теории // *Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) / Отв. ред. М. М. Кром. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.*
51. *Селунская Н. А.* Современные перспективы изучения средневековой общины, или «как это не было» // *Историческая наука сегодня. Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. Изд. 2. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С. 355–367.*
52. *Скальник П.* Концепт раннего государства и антропологическая теория // *Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 9–29.*
53. *Собестянский И. М.* Учения о национальных особенностях характер и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Изд. 2-е. М.: URSS, 2011. (Репринт работы 1893 г.).
54. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009. 328 с.

55. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
56. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1044 с.
57. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство / Под. ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 198–311.
58. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
59. Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог... С. 228–241.
60. Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.) Киев, 1895. 86 с.
61. Birnbaum H. Novgorod and Dubrovnik: Two Slavic City Republics and their Civilization, *Održana u Jugoslavenskoj Akademije Znanosti I Umjetnosti*, Svezak 62, Zagreb, 1989.
62. Froianov I. Ia. and Dvornichenko A. Ju. The City-State in Kievan Rus' (Eleventh-Twelfth Centuries), *Reinterpreting Russian History. Readings 860–1960-s*, Compiled and ed. by Daniel H. Kaiser & Gary Marker. New York, Oxford: Oxford University Press, 1994, p. 30–37.
63. Epstein S. R. The Rise and Fall of Italian City-States, *A comparative Study of Thirty City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 21; Copenhagen, 2000).
64. Halperin Ch. J. Novgorod and the "Novgorodian Land", *Cahiers du Monde Russe*. No 40, 1999, p. 345–363.
65. Hansen M. H. (ed.) A comparative Study of Thirty City-State Cultures (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 21; Copenhagen, 2000).
66. Hansen M. H. (ed.) A comparative Study of Six City-State Cultures (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 27; Copenhagen), 2002.
67. Jones Ph. *The Italian City-State: From Commune to Signoria*. Oxford, 1997. 712 p.
68. Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1980. 308 p.
69. Kuryuzawa T. The Debate on the Genesis of Russian Feudalism in Recent Soviet Historiography, *Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika*. Ed. by Takayuki Ito. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1989.
70. Scott T. *The City-State in Europe, 1000–1600. Hinterland — Territory — Region*. New York, Oxford University Press, 2014.